

Валерий Тищенко,
Зимовники

Кама утром

Было дело, оказался я утром на набережной. Иду себе, наслаждаюсь свежим речным воздухом, балдею. Глядь, деваха стоит, прям у того места, где на парапете большими синими буквами написано:

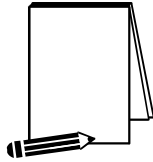
«Мальчики, я вас люблю!», а чуть выше, мелкими красными: «Все мужики – козлы!» Я присоседился, закрыл телом красные и миролюбовно так спрашиваю: «Как вам Кама с утра?» Она оторвала груди от парапета и, по-видимому, хотела повторить написанное мелкими, но, увидев мою белозубую улыбку, ответила загадочно просто: «Я, вообще то, пробовала, мне понравилось. Если Серёжка не придёт, потренируемся...»

Я, конечно, ничего не понял и, уходя, подумал: «Физкультурница, блин...»

Минут через пять я вприпрыжку бежал обратно, потому что меня осенило. «Мужиков-козлов» заслонял своим спортивным туловищем Серёжка.

Я понял, что занятия «Камасутрой» состоятся явно не со мной...

Волны с плеском набегали на прибрежные камешки. Кама весело смеялась надо мной...

Павел Слатвинский,
г. Омск

КЕДЫ

напишу стишок про полукеды,
ведь стихов и так что снежный ком
про уже изорванные кеды.

мне писать про кеды стало в лом.
полукеды. сколько в этом слове
смысла для поэта собралось,
словно полушаг на полуслове,
будто полуконь, а полулось.

полукеды зашнурую ночью
и гулять уверенно пойду.

и безлунной тёмной полуночью
я в полуисторию войду,

я ввяжусь, впишусь в неё для смеха,
миру полукеды покажу,

поддаваясь звукам полусмеха
полукедами везде я послежу.

обойду я в полукедах четверть света,
изорву я полукеды в дым,

и однажды дама полусвета
скажет мне: "ты стал совсем седым".

глядя ей в глаза полусерьёзно,
я скажу: "а ну-ка ты примерь".

а она воспримет всё серьёзно,
в полукеды прыгнет и - за дверь.

пусть и рваные ,но были, были, были!
а теперь их нету у меня.

этой полусказке-полулбыли
много лет. и всё это... угу.

Тираж - переменный.

Отпечатано в, над, под...

Редактор - Тот, Кто Не Спит Ночами.

Адрес редакции: подвал заброшенного дома на ул.Беспросветной

Переводы, посылки и бандероли слать по адресу:

680043, г.Хабаровск-43, ул.Интернациональная, д.1, кв.26, Полякову

Борису Борисовичу e-mail: pborisboris@mail.ru

Редакция ни за что ответственности не несёт и вообще никому ничего не должна!

Интернет поддержка (архив газет) - сайт дружеской газеты "Взгляд":

<http://www.vzglyadik.ru/samizdat/>

Продолжение следует?...

2009 г.

№ 15

Чернильница

Газета для друзей

Стукнет мысль в темечко,
Кину в землю семечко.
Что-то вырастет, быть может,
Коль «Чернилка» мне поможет.

Павел Слатвинский

За окном - поздняя осень. Увядание...
А "Чернильница", словно феникс,
возродилась на пепелище скомканных
мыслей и растрёпанных чувств. Про-
должение следует?.. Б.

Стихи Ильи Павлова (г. Северодвинск)

ЦВЕТЫ

В тумане Новая Земля
Уже устала ждать Колумба.
В цветах благоухает клумба
У стен нездешнего Кремля.

Там злобный Хронос погребён
Под вечно юными цветами.
Их корни с мёртвыми глазами
И мозгом соединены.
Кому такие снятся сны?

СЕРП И МОЛОТ. 1918.

На разграбленных снежных просторах
Стонет ветер и воет в трубе.
Стынут знаки Сатурна и Тора
На знамёнах и новом гербе,
Утверждая жестоким закалом
На крови к небесам поднятой
Пролетарской победой Вальгаллу,
Детоедство и век золотой.

Закапывают листья. Радиация
Тому причиной или чья-то блажь?
Отменены парад и демонстрация,
Матросы не штурмуют Эрмитаж.

Плюёт Чапаев на сапоги Деникина
И драит их суровым рукавом.
И проступает образ Солнцеликого
На кумачовом стяге роковом.

Раскаившемуся попу-холерику
Простит Господь убитую собаку,
Сегодня Христофор открыл Америку
И Одиссей вернулся на Итаку.

Стихи предоставил
Иван Заровский

Нынешний “Ларец” не совсем обычный. В этом выпуске мы рассматриваем не какое-то отдельное издание, а целое явление самиздата, ведь Вадим Булатов (он же - Кисляк), несмотря на явную коммерциализацию своей деятельности, очень много сделал для отечественного самиздата! Журналы, газеты, конкурсы, альтернативный писательский союз - МАРЛ (Международная ассоциация русскоязычных литераторов) - всё это его проекты, через которые прошли очень многие, в том числе и ваш покорный слуга. **Б.П.**

Парадоксы Вадима Булатова

“Какой славы хочу я?.. Мне хочется единственно одного: вершины литературного слова, правильного понимания жизни во всех ее областях”, - так записал в своем дневнике начинающий воронежский поэт Вадим Анатольевич Булатов в 1984 году, еще не зная, что некоторое время спустя окажется едва ли не основоположником литературного самиздата в своем городе.

Что такое затевать серьезные творческие проекты в глубинке, не имея никаких серьезных связей среди живых классиков, более того - предполагая, что можешь оказаться единственным читателем своих творений, представить нетрудно. Однако горбачевская перестройка сослужила одну добрую службу для отечественной культуры - сотни провинциальных обломовых, которые в другие времена так до скончания века и провитали бы в облаках беспочвенных утопий, оказались зараженными неудержимым желанием как-то реализовать себя. И вот уже скромный фотограф превращается в издателя - налаживает контакты с потенциальными авторами, добывается официального разрешения своей деятельности у властей и, наконец, с горем пополам выпускает первый номер газеты “Виктория”.

На данный момент на счету Булатова более четырех сотен различных журналов, газет, брошюр и книг тиражом от нескольких тысяч до единиц; в его ведении находится и целый ряд литературных конкурсов, имеющих статус международных. Если учесть, что век самиздата недолог - дольше пятилетки мало кто выдерживает, стаж Вадима Анатольевича представляется почти рекордным. Кажется, ничто не способно заставить Булатова оставить издательское дело - ни политическая нестабильность в стране, ни инфляция - разве что после 17 августа пришлось резко сократить число конкурсов и оставить в живых из множества изданий лишь газету “Русская версия” и журнал “Литературный вестник”.

Писать о Булатове нелегко, ибо с точки зрения “классического” самиздата он действует, мягко говоря, неправильно. В самом деле: пожалуй, никто так открыто не подчеркивает, что его издательская деятельность - не только благородный порыв энтузиаста, желающего поддержать русскую культуру, но и серьезный бизнес.

Публикации в булатовских газетах в значительной мере имеют коммерческий характер, когда авторы подсчитывают стоимость каждой строчки; платными являются и его конкурсы - участие в самом “дешевом” из них

Алла Зенина,
Зимовники

СТЕПЬ

Степь тюльпанная,
степь ковыльиная,
чабрецовая
да полынная...
Вольной вольницей
табуны коней
с ветром спорили:
кто из них быстрее?

Юрты,
дым костров
кочевых племён,
кровь и посвисты
их кривых клинков.
Чередой –
курганы могильные,
смерть собрала дань
в них обильную...

Всё ты помнишь, степь
необъятная.
Тайны дел людских,
неприглядные,
ты в себе хранишь,
как печати – рок,
не развеять их,
словно пыль дорог...
Ах ты, степь-краса,
аромат хмельной!
Мне любить тебя,
край донской, родной –
степь тюльпанную,
степь полынную,
сказку древною,
даль былинную...

Наталья Павлова

В дороге быть - ведь это так прекрасно,
Дар странника, бесценный и простой.
Не сожалея ни о чем напрасно,
Вставай с рассветом и пойдем со мной.

О, как безмерно глубока долина,
И небо держит скалы на руках,
Ведь самая заветная вершина
Всегда перед тобою в облаках.

Но оглянись - и сердце встрепенется,
И ты не в силах, хоть иди пора,
Ведь за тобою вечно остается,
Красивая и светлая гора.

И самые счастливые минуты,
Здесь настоящим называем мы,
И долго пишем иногда маршруты,
И жарким летом, и среди зимы.

И пусть, в слезах, от радости немея,
Я вновь не в силах даже рассказать,
Как мы стоим, глаза поднять не смея,
Пред Тем, Кто мир Любовью смог создать.

Андрей Колпаков,
г. Москва

С УМА СШЕДШИЙ

Вот сорвался в полночь шальною пулей -
Слышите, стремительная летит?
Домочадцы верно, почти уснули...
С ума сшедший? Было не по пути!..

Продираясь чащей вокзальных криков,
Обучался светом во тьме сиять...
Всем открыт, как в зале читальном книга:
Сумасшедший – злобу откуда взять?..

Вот сорвался в полночь - сверкает поезд
Светлячками сотни своих купе...
«Быть добру» - скажу, начиная повесть -
Сумасшедший... просто спешу к тебе.
07.04.07

СТИХИ ИЗ РАЗНЫХ УГОЛКОВ

Светлана Сарычева,
г.Раменское

Время всё расставит по местам
И, ударив в призрачный тамтам,
Сделает всё правильно. Как надо.
Каждому положена награда,
Потому что честно заслужили.
Беспокойно жили - рвали жилы.
Так любили, словно били вазы
С розами. Хотели всё и сразу.
Рано или поздно получили -
Раны - винокровь со вкусом "чили".

Юрий Котюков,
г.Новосибирск

Последних сумерек тяжелая печаль...
Мои секунды тают, словно дымка...
Еще мгновение, - и поезд-невидимка
Умчит меня в неведомую даль,

За одиноким птичьим караваном.
Осталось лишь немного подождать.
Меня никто не будет провожать
Осенней горечью наполненным стаканом.

Меня никто не будет вспоминать,
Бросать мне вслед слезливые упреки,
Писать на камне пафосные строки,
Отказываться верить, понимать...

И возносить проклятья небосводу,
И вспоминать, какой я был святой.
Там, за невидимой, таинственной чертой
Я обрету последнюю свободу.

Александр Новосёлов,
г.Чебаркуль

На улицах разбитых фонарей,
Разбросанных шприцов, открытых люков,
Исписанных подъездов и дверей,
Во тьме крошечной нецензурных звуков

Есть что-то светлое
(*Но где оно? Ведь есть!*),

Есть что-то чистое
(*Но где оно? Ведь было!*).

И этой ночью мне приснился крест,
Вокруг толпа – та, что Христа прибила...
2008 г.

Дикий Мёд

О как же чудно мы с тобой
Друг друга недопонимали!
В моих глазах был пылкий зной,
Твои – морозом обжигали.

Мои кричали: посмотри!
Твои плечами пожимали,
И мой задор сникал, и шли
Пьеро сплошные в карнавале.

Мой карнавал тебя не знал –
Ты не хотел примерить маску?
Ты, сам не зная, убивал,
Топтал мою смешную сказку.

Недопонять, недопростить,
Зажаться в собственной обиде...
Но даже здесь есть два пути,
Сумей лишь только их увидеть.

И допонять, и извинить –
Хотя бы просто попытаться!
Такая тоненькая нить!
Поможем ей не разорваться?..

26.06.08

("Времена года") обходится россиянам в 4,5 "зеленых" и в 5 - зарубежным участникам. Такие условия сотрудничества отпугивают многих рядовых поэтов, которые начисто лишены деловой хватки, а представителей экстремального андеграунда вообще приводят в неопишную ярость.

Вторая "ересь" Булатова состоит в помпезности, сопровождающей его издательские проекты: если он рекламирует свой конкурс - то как "самый престижный". Если он затевает новое издание - то непременно начинается с выпяченной (может быть, даже эпатажной) статьи о наступлении Последнего Века культуры, которую надо срочно спасать всем, в ком осталась хоть искорка разума. После чего следуют стихи такого уровня, что невольно заподозришь, что Последний Век давным-давно закончился.

Наконец, довольно спорным и экстравагантным представляется многим царящий в уже упомянутом "Литературном вестнике" "культ личности" Вадима Булатова. Конечно, все самиздатовские проекты создаются для пропаганды творчества редактора и издателя, однако только Вадим Анатольевич, если верить рекламе, опубликованной в одном из номеров, додумался до издания многотомной серии брошюр "Все, что я успел", в которой взору читателя предстают не только стихи, но и трудовые книжки, хроника посещений медвытрезвителей и частная переписка. На фоне наследия классиков, чьи архивы порой уже более ста лет пылятся неразобранными, подобное внимание к своей персоне кажется чем-то запредельным.

При всем при том в собственном творчестве Вадим Булатов не достиг больших вершин - последняя его книга "Сгоревшие надежды юности" (1997), состоящая из ранних поэтических опытов рубежа 70-80 гг., очень неровна, местами просто кажется собранием отдельных дневниковых набросков, которые, может быть, не стоило бы выносить на суд читателя.

А стоило ли тогда вообще разворачивать издательскую деятельность и с завидным упорством бороться за ее выживание? Или же все надежды юности действительно бесследно сгорели и творческая карьера откровенно не удалась?

"Всегда считалось, что тяжело что-либо создавать "в стол" (и мне очень часто приходилось "создавать в стол" - работать несколько дней, набирать, верстать, вычитывать, править... в одном экземпляре и складывать в стол в прямом смысле слова). Я надеюсь, что мне удалось хоть кому-то хоть немного помочь в преодолении этой проблемы. Раз нет возможности помочь миллионам и тысячам, то давайте хотя бы поможем друг другу, давайте хотя бы принесем радость кому-то, давайте хотя бы доставим радость ближнему", - говорит Вадим Булатов. И в этом его правда.

В конце концов, мы живем в такое время, когда наиболее актуальным кажется лозунг, некогда брошенный поэтом Б. Чичибабиным: "Давайте что-то делать, чтоб не сойти с ума!" Не столь важно, каков будет результат, главное - вообще совершать какие-то движения, подавать признаки жизни. Предыдущие поколения литераторов оставили нам в наследство зону выжженной земли - расколотый на великое множество кланов и группировок Союз писателей, пронизанные духом провинциализма произведения, давно уже не являющиеся властителями душ "толстые" журналы... Все нужно начинать с нуля, и здесь не избежать ошибок. В любом случае современный

самиздат, кишащий амбициозными графоманами, в том числе и в странноватом "булатовском" варианте, ляжет перегибом в ту почву, из которой произрастет культура XXI века - точно так же, как из наивного русского искусства XVIII века "пророс" пушкинский век.

Большого урона массовому вкусу малотиражные литературные издания не наносят хотя бы потому, что люди с "массовым" вкусом вообще не читают поэзию, в том числе графоманскую, зато если люди, обладающие хоть какими-то представлениями о профессиональном творчестве, начитавшись таких газет и журналов, возьмутся и из чувства противоречия напишут что-нибудь гениальное, уровень современной культуры может очень заметно подняться. В этом смысле издания В. Булатова кажутся сродни образцам провокационного концептуализма - скроенные зачастую из откровенно китчевого материала и способные вызвать самую неадекватную реакцию. Разница лишь в одном: концептуализм работает на разрушение консервативной эстетики, а Булатов пытается восстановить разрушенное.

Каждый номер "Литературного вестника" открывается подборкой читательских писем - десятки авторов из разных городов страны соглашаются с Вадимом Булатовым, считая его чуть ли не последним спасением для неизвестной русской поэзии, горячо спорят с ним. С каждым номером откликов становится больше, споры - жарче. На пустом месте ничего не возникает - значит, деятельность Вадима Анатольевича имеет смысл и вес в сегодняшнем мире, какими бы ни были подлинными цели издателя.

Будем принимать Булатова таким, как он есть. Он достиг своей вершины, стал одним из лидеров самиздатовской тусовки - и победителей не судят.

О. ГАЛЬЧЕНКО

Статья была опубликована в газете "Петрозаводский университет" №16 от 30.04.1999 г.

Иннокентий Анненский "Июльский сонет"

Когда весь день свои костры
Июль палит над рожью спелой,
Не свежий лес с своей капеллой,
Нас тешат: демонской игры

За тучей разом потемнелой
Раскатно-гулкие шары;
И то оранжевый, то белый
Лишь миг живущие миры;

И цвета старого червонца
Пары сгоняющее солнце
С небес омыто-голубых.

И для ожившего дыханья
Возможность пить благоуханья
Из чаши ливней золотых.

КОНКУРС!

Объявляется конкурс на лучший (на мой субъективный взгляд) сонет. Судейство будет страстное и предвзятое :)

Награда победителю - почёт и уважение редакции и, может быть, чего-нибудь ещё.

На конкурс (с пометкой на тексте, само собой) принимается ОДИН сонет (если помните - 14 строк :)).

Ваши работы жду до 1 марта 2010 г.

Ваш Вредатор

начал слабеть от потери крови, он отмахивался очень вяло. Пёс увидел в его глазах свое отражение, его мелочность, низость, и ему до того стало гадко, что он буквально выплюнул его руку из своей пасти. Человек застонал, перекатываясь набок. Секундная ненависть промелькнула в сознании пса, он снова захотел накинуться на своего мучителя, но не сделал этого. Вкус крови во рту стал каким-то железным. Пёс перестал прижимать человека к земле и встал.

Мужчина охнул и потянул здоровую руку в карман куртки. Он достал телефон и начал набирать номер. Пёс посмотрел на него, отвернулся и тихо ушёл. Человек медленно нажимал кнопки, у него в глазах темнело. Лишь ответные гудки немного пробудили его.

- Сергей? - прозвучал мягкий женский голос.

- Маша, «Скорую»... Я около нашего дома... - и потерял сознание.

Пёс следил из-за угла, как молодого мужчину уложили на носилки, как рядом плакала женщина, которая потом села в машину скорой помощи рядом с проводником и их увезли.

Пёс ещё долго стоял, смотря на белую удаляющуюся машину, и думал о чём-то своём.

Борис Поляков

ЧЕБУРЕКИ

Что изменилось в двадцать первом веке?
Питание не сделалось другим.
Мы ели на скамейке чебуреки
И запивали пивом дорогим.

Жевали так, как будто год не ели,
С набитым ртом болтали: то да сё.
Глядим, идёт собака еле-еле,
Укор и боль в глазах своих несёт.

Мол, жрёте тут, а я едва живая,
От голода качает мой скелет...
Собака смотрит и переживает:
Оставят ей кусочек или нет.

Застрыла в горле жареная пища.
Как есть, когда вот так глядит она!
Хвостом вильнула сука - дружбы ищет,
Надеется насытиться сполна.

Мы с другом молча лишь переглянулись
(В подобные минуты слов и нет)
И к подошедшей страннице нагнулись,
Вручили недоеденный обед.

Была довольна сука, мы -
печальны,
И даже пиво горьким стало вдруг.
«Да, двадцать первый век - не и
деальный», -
Изрёк мгновенно протрезвевший
друг.

Собака же походкою калеки
Ушла, прощальный взгляд даря
нам:
«Когда жуёте праздно чебуреки,
Глядите иногда по сторонам».
2008 г.

боком к коре, поджав между задними лапами хвост, и выл. Из пасти шёл пар, вой тревожил глухую тишину, но пса никто не выгонял — ночью в парк не забредал никто, и пёс оставался наедине с холодом, мраком и ужасом.

Но однажды случилось нечто, перевернувшее маленькую собачью жизнь. Это произошло в один из последних теплых сентябрьских дней. Пёс лежал, вытянувшись в струнку, слегка разморенный неожиданным теплом, и поглядывал на прохожих.

Высокий, коротко стриженный, сероглазый мужчина стоял у киоска с пивом. Запах, манера шуриться, взгляд исподлобья, походка, жесты... Все показалось псу до боли знакомым...

Он узнал своего проводника, узнал, и в глубине его глотки начало зарождаться раскатиное рычание, холка вздыбилась.

Мужчина купил несколько алюминиевых банок и скрылся в толпе. Пёс заскользил за ним лёгкой тенью.

Они вышли за пределы парка, пёс несколько раз боязливо оглядывался назад, но месть показалась ему аппетитнее, чем добыча из мусорных баков, и он продолжал преследование.

Мужчина свернул в дворик, усыпанный жёлтыми листьями. Пёс остановился за углом дома, наблюдая за человеком. А тот подошёл к пятиэтажке и зашёл в центральный подъезд. Подождя немного, пёс метнулся к подъезду и, отворив лапой не закрывшуюся деревянную дверь, вошёл внутрь. Прислушался — шаги стихали наверху, где-то высоко зазвенели ключи, открылась и закрылась тяжёлая дверь. Неслышно переступая лапами, пёс обошёл все этажи, поймал запах проводника на пятом, рыкнул на его дверь и устроился на втором этаже, рядом с батареей.

Впервые за несколько недель пёс уснул в тепле. Спал беспокойно, во сне дёргались лапы и оскаливалась морда, иногда даже щёлкали челюсти, схватывая что-то. Или кого-то.

Неприятный холодок, проникнувший из приоткрытой подъездной двери, забрался на второй этаж и лизнул пса по спине. Пёс проснулся и сел, плохо соображая, где он находится. Но потом он вспомнил и вчерашнее преследование, и сладкое предчувствие скорой мести. Пёс почесал за ухом, зевнул, потянулся и вышел во двор.

Мамаши катали колясочки, дети постарше возились в песочнице, что находилась в центре двора, бабки в платках сидели на лавочке недалеко от подъезда. В луже около подъезда, из которого вышел пёс, копошились воробьи. Небо было серое, солнце походило на размытое бледно-жёлтое пятно. Фигурно обрезанные кусты были похожи на ежей: ветки торчали в разные стороны, как волосы после электрошока. На облетевших деревьях сидели вороны и изредка каркали. Пёс рыкнул на воробьев и напился из лужи. Хотелось есть. Пёс залег под колючий куст и начал наблюдение.

Примерно через час вышел его проводник, и пёс двинулся за ним. Человек зашёл в какой-то закулок и вытащил из куртки мобильный телефон. Набрал номер, приложил к уху, непроизвольно оглянулся назад и оторопел. Он узнал пса. Они смотрели друг другу в глаза. Серо-голубые человеческие и тёмно-карие, почти чёрные — собачьи. Мужчина положил телефон в карман куртки и сделал шаг в сторону. Пёс оскалился. Человек побежал, пёс ринулся за ним. Расстояние между преследователем и жертвой быстро уменьшалось. Пёс прыгнул, схватил налету ткань куртки, рванул и подмял под себя человека. Мужчина прикрыл руками лицо и горло, пёс схватил его за руку, порвав рукав и задев зубами кожу. Человек вскрикнул. Пёс торжествовал. Он почувствовал вкус крови на языке и ещё яростнее стал рвать куртку. Мужчина звал на помощь, колотя пса по голове, пёс зарычал и схватил его за запястье. Что-то сочно хрустнуло, человек закричал...

...Пёс отлично помнил курс обучения, как его натравливали на фигурантов, как в нём развивали злобу, и теперь он применял лишь то, чему его учил сам проводник. Пёс посмотрел человеку в глаза, всё ещё держа в зубах запястье. Человек

СТИХИ

ИЗ КНИГИ

Ольга Александрова,
г.Москва

Крест коломенский¹, крест нательный ли —
нёс по совести сквозь метели ты,
сквозь угрозы врагов, предчувствия,
не ища для себя сочувствия.

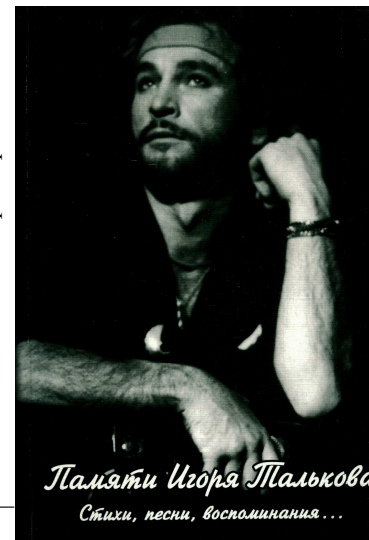
Став мишенью, звездой сверхновою,
хлётким ритмом слова рисковые
надеялся. И летели стрелами
рок-сказания, песни смелые.

В небе пасмурном, в небе светлом ли —
луч Звезды твоей — нам заветное,
светом многих тайн — откровение,
воздух творчества — вдохновение.
2008

¹ В заброшенном Храме Усекновения главы Иоанна Предтечи в городе Коломенское Игорь нашёл большой крест, забрал его домой, надеясь вернуть, когда Храм будет восстановлен.

Памяти Игоря Талькова.
Стихи, песни, воспоминания...
Изд-во "Эль Эстро", Москва,
2009 г., 232 стр., тираж 1500 экз.

Памяти Игоря Талькова
Стихи, песни, воспоминания...

Натали Ростова,
г.Мариуполь, Украина

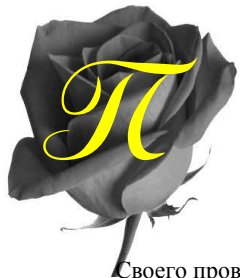
К нам гении идут. Но рвутся нити.
Тальков. Гонец таинственный.
Убит.
Осиротели и Москва и Питер.
Россия помнит. Помнит и скорбит.

И только нам грустить о недопетом.
И прорывая сети зла и лжи,
Молиться, окропив священным
светом,
Простое естество его души.

И дай нам Бог заметить тех
грядущих,
Которых мы посланцами зовём!
Увы, вселенский грех нам не
отпущен.
Не очень-то мы праведно живём.

И потому так часто рвутся нити,
Когда стоят посланцы у черты.
Однако нерушима их обитель,
Как летний дождь и чистые пруды!

7.02.05

Юлия Савватеева,
г.Новосибирск

ПЁС (ИСТОРИЯ БРОДЯГИ)

Своего проводника пёс ненавидел. Он заставлял пса страдать. Когда солдат напивался, то избивал пса, прищемлял дверью хвост, стегал ремнём. А однажды он схватил в дрожащую руку пистолет и стал стрелять по маленькой комнатке, выделенной проводнику с собакой, причём не куда попало, а именно в собаку. Пёс рычал, метался, бился в закрытую дверь, отскакивал назад.

- Да стой ты, чёрт окаянный! – кричал раскрасневшийся и повеселевший солдат.

Обойма быстро опустела. Проводник чертыхнулся и стал перезаряжать пистолет. На трезвую голову он сделал бы это за считанные секунды, и псу пришёл бы конец, но с водкой шутить нельзя. Пока проводник пытался вставить новую обойму, пёс, наконец, выломал дверь, закрытую на шпингалет, и метнулся вперёд, не разбирая дороги. Вдогонку ему свистели пули.

- Стоять! Догоню – шуру спущу! Да стой же ты!

Пёс выбежал за ворота военной части, дело было поздним вечером. Проводник остался далеко позади. Пёс прыгнул в кусты, пробежал еще около километра, и, убедившись, что за ним нет погони, устало улегся под кустом и уснул.

Ночью был дождь. Пёс проснулся и заскулил. Его укрытие промокло, он не мог здесь больше оставаться. Пёс поднялся и засеменил под дождем, оставляя на размокшей земле отчетливые следы. Перепрыгнув чугунную оградку, он оказался на черном от дождя тротуаре, вдоль которого бежали страшные чудовища с круглыми светящимися глазами. Один такой зверь едва не сбил пса. Пёс зарычал, зверь зарычал в ответ и остановился. Откуда-то из его недр вылез человек и закричал на пса, размахивая кулаками, и пёс побежал от него, чуть не попав под другое чудовище.

Испуганный, промокший, он отпрыгнул вбок и оказался на противоположной стороне тротуара. Пёс вспрыгнул на асфальтовую кромку и побежал, побежал, побежал... От него шарахались редкие прохожие, как от чумы; подушечки лап горели огнем, он ничего не замечал, только бежал, бежал...

Пёс упал возле какой-то клумбы, совершенно задохнувшись. Зонарно-серые бока тяжело вздымались, воздух поступал в легкие рваными клочками. Пёс лежал, растянувшись, поливаемый дождем, и думал о смерти.

Дождь кончился лишь под утро. Пёс медленно встал и отряхнулся, отчего слипшаяся от воды шерсть встала иголками. Пёс пошёл. Ночь забросила его в какой-то парк, но этого он не знал. Пёс впервые оказался за пределами родной военной части. Там он родился и вырос, там он проходил обучение, там он преданно служил и страдал. Но теперь он оказался один в новом мире, как человек, выброшенный бурей с корабля в море. Некоторое время пёс просто внюхивался в коктейль незнакомых запахов, перебирая их в памяти. Вдруг он уловил что-то знакомое. Запах привел его в кусты, где пёс нашёл бутылку из-под водки. Ей травился его проводник.

Пёс обшарил ближайшие кусты, обнюхал землю, погрыз с досады кору дерева... Но желудок упорно требовал пищи.

Когда пёс вылез из очередного куста, от него шарахнулась дамочка с болонкой, проходившая мимо. Пёс хотел было спросить у болонки, где здесь можно поесть, но та надменно подняла нос и засеменила за своей хозяйкой. Он опять остался ни с чем.

В полдень стало жарко. Пёс набрел на искусственный пруд и напился воды, от которой бока раздулись просто до неприличия. Пёс заметил в воде серебристые всполохи – это были карпы. Он не понял, что там такое плавает, но зато его желудок начал бить тревогу с новой силой.

Пёс ударил лапой по воде, когда одна из рыбин подплыла слишком близко к берегу, и поднял волну брызг. Капли, блеснувшие на солнце, ненадолго ослепили пса. Когда же он вновь прозрел, в воде стояла илистая муть, и рыб не было видно. Карпы спрятались на дно. Пёс грустно посмотрел на воду (желудок урчал с еще большим остервенением) и пошёл дальше. Но через несколько минут снова остановился. Он услышал четкий, прекрасный, незабываемый аромат жареного мяса. Пёс побежал.

...От палатки с шашлыками шёл такой вкусный запах, что пёс почувствовал лёгкое головокружение. Лапы плохо стали слушаться его, но он всё-таки добрёл до палатки и сел. Он видел, как мясо насаживали на железные пруты и предавали огню, он видел, как в пламя стекал сок... Пёс облизнулся и подтянулся к мясу поближе, но тут же получил полотенцем по морде.

- Пшёл вон!- окрикнул его какой-то грузин в фартуке.
Нет уж, это ты пиёл вон! Ты с утра завтракал, в полдень перекусывал, и в обед будешь есть, а что делать мне?

Пёс занял выжидательную позицию под кустом, недалеко от палатки. В обед грузина подменила девушка в белом фартуке.

Во время его жизни в военной части похожее существо проходило мимо собачьих вольеров и раздавало утренний паёк. Пёс решительно поднялся и пошёл к палатке маленькими танцующими шажками. Он сел рядом с жаровней, на которой истекали соком кусочки говядины, и подождал, пока девушка обратит на него свое внимание; а когда обратила – сделала такие бездонно-грустные глаза, что самого себя стало жалко. А ждать долго не пришлось. Шашлычница незаметно подкинула ему подгоревший комочек говядины.

О, с каким наслаждением, с какой любовью пёс проглотил этот кусок; как он вылизывал асфальт, куда упала говядина. Желудок перестал урчать и занялся наконец-то делом.

То ли шашлычница работала с мясом первый раз, то ли была совершенно бескорыстным человеком, но пригоревшее мясо, к великому счастью пса, сыпалось чересчур часто...

Вечером вернулся грузин, и псу пришлось ретироваться под куст. Отползши в убежище (набитый желудок плохо способствовал нормальному передвижению), пёс сладко задремал.

* * *

...Пёс жил в парке уже два месяца. Три раза в неделю он регулярно получал пригоревший паёк от шашлычницы, в другое время бегал от дворников, искал в мусорных баках объедки и подчинял себе всех бродячих собак, проходивших время от времени через парк. Но мясо от шашлычницы пёс получал всё меньше. Может быть, она быстрее осваивала шашлычное мастерство, а может, злой грузин стал вести учет сырья.

С приходом осени стало хуже. Шашлычница куда-то пропала, вместо неё работал другой грузин, еще более злой, чем хозяин палатки. Видя бредущего к палатке пса, он брался за длинный прут и отмахивался от хвостатого попрошайки. Пару раз, получив горящий удар по спине, пёс перестал ходить к палатке. Теперь еду можно было достать только из мусорных баков.

Трава желтела и становилась колючей, по земле сквозил ветер. Днём ещё было терпимо, пёс бегал, разогревался, но ночью... Ночью земля полностью остывала, и облетевшие кусты не защищали от ветра. Пёс сидел под дерево, прижавшись